

Подполковник ХАДЕЕВ Р.Г.
военный лётчик-испытатель

ЛЕЧУ

...Самолёт неуклюже катился по выгоревшей траве, размеченной флажками на лётном поле, рулѐжной дорожки. Курсант Силин, сидящий в передней кабине, затѣкшими пальцами давил на тормозной рычаг, невпопад переставляя педали. Он старательно рулил и сдувал стекавший из-под шлемофона пот, который щипал глаза, щекотал нос и подбородок. Инструктор молчал, что казалось, по меньшей мере, необычным. Силин не удивлялся этому и не радовался. Он просто рулил, ему некогда было думать. Он и не хотел ни о чём думать, потому что мысли его могли быть только грустными, выводы обидными. Полѣты ему явно не удавались, самолёт не хотел слушаться, а норма вывозных полѣтов с каждым лётным днѐм таяла. Не уложишься в норму – пойдѣшь в «пехоту». Скажет инструктор: «Не годен!» – и прощай мечта!

Инструктор молчал. Самолёт медленно, неуверенно, как бы, из последних сил катился по земле. Молчал Николай не потому, что ему нечего было сказать, и не потому, что он уже махнул рукой на этого, безнадёжно слабого в лётном деле курсанта. Молчал Коля только потому, что устал. Устал физически, устал говорить одно и то же. Даже устал постоянно слышать гул двигателя.

Он устал летать.

Вывозная программа. Каждый год в полк первоначального обучения, в мае на всё лето приходят курсанты. Когда все студенты уезжают на каникулы, отдыхают дома, купаются, загорают и знакомятся с девушками, они приезжают на полевой аэродром, в лагерь и, привыкая ко всем неприятным особенностям военной службы, в возрождающейся после грандиозного развала авиации в начале шестидесятых, начинают самый напряжённый период своей жизни. Настороженные, счастливые, садятся они в самолёты, и начинается круговорот вывозных полётов. Рабочий день инструкторов начинается в половине пятого утра. Тренаж, предполётная подготовка, полёты, разбор и подготовка к завтрашним полётам. Заканчивается рабочий день поздно вечером. Шесть дней подряд, короткое воскресенье и снова, и снова. Закроешь глаза – перед глазами приборы, как у рыбака поплавков, гул, радиообмен и пыль на грунтовой взлётной полосе. Постоянное напряжение, ошибиться нельзя, мелочей нет, мера ответственности – жизнь. В кабине жарко, надеваешь парашют, заденешь металлической пряжкой шею – остаётся ожог. Но самое трудное, это повторяющиеся ошибки курсантов. На земле разобрали – всё кажется ясно, всё понятно. Взлетели – те же ошибки десятки раз подряд. Ребята вроде неглупые, а вот так уж есть. Методика требует не срыватьсь, спокойно объяснять и показывать.

Силин выключил двигатель, отстегнулся, снял парашют и вылез из кабины. Инструктор уже стоял внизу около самолёта и, молча, наблюдал за курсантом.

— Ну! Что ты там сопли жуёшь!

В резко сказанных словах вылились усталость, обида, раздражение.

По лицу курсанта поползла гримаса.

— А, так тебе смешно! Смеяться будешь, когда вылетишь «с северным стартом через «южный вокзал» — Это в лексиконе инструкторов значило, что вместо самостоятельного вылета, уедешь с харьковского вокзала «Южный» куда-нибудь подальше.

— Марш с аэродрома, чтобы и близко у самолёта тебя не было!

Коля задохнулся, от возмущения, не находя слов.

Лицо курсанта ещё больше искривилось и, по щекам потекли мутные слёзы, промывая дорожки на запылённом лице. Он плачет? Коля растерянно огляделся. Не

видит ли кто? Возмущение и злость уступили место удивлению и неловкости.

Он взял курсанта за плечо, увёл за фюзеляж.

— Ты чего? Перестань.

Техник самолёта, старший лейтенант Слатин, вроде бы увлёкся осмотром самолёта. Курсант Рогатин стоял у плоскости и удивлённо глядел им вслед. Оставшись наедине с инструктором, Силин заплакал навзрыд. Странно, когда мужчина так плачет. Да это, пожалуй, ещё мальчик – семнадцать лет. — Ну, перестань, перестань ... — Коля не знал, как его успокоить, ему было неприятно, неудобно смотреть на курсанта и стыдно, что не разглядел его состояния. — У тебя уже получается, это я ругаюсь, чтобы ты больше работал, чтобы тебе быстрее научиться, чтобы ты побыстрее вылетел самостоятельно. У тебя всё получится, будешь летать – серьёзно тебе говорю. Вот сейчас продумай свои ошибки, и, полетим, всё получится.

Следующий полёт с Рогатиным. Коля выполнил всё по методическим рекомендациям, исключая общепринятую у инструкторов специфическую лексику, как бы упрощающую общение.

Силин, пока самолёт готовили к полёту, деловито суетился вместе со всеми, стараясь не смотреть на инструктора. Николай, разбирая ошибки с Рогатиным, наблюдал за ним и ему казалось, что тот держится из последних сил. Взлетели, В наборе высоты и на разворотах инструктор с горечью отметил, что ошибок не убавилось. Он тайком помогал курсанту, исправлял его неправильные движения рулями, подсказывал, упреждая появление ошибок, зная, что они будут.

— Ну, вот видишь, всё получается! Ты же сам летишь!

После полёта Коля понял по лицу курсанта, что тот ему не верит, и не прибавилось у него духа. — Ну, хотя бы не плакал, и то хорошо. Подумал он с грустью.

...Хорошо вечером в лагере. Тишина и прохлада. Плывёт по балкам густой запах полыни и трав, перемешиваясь с нежным ароматом белой акации. После жаркого, гремещего, пыльного дня блаженство – стоять под струёй прохладной, льющей прямо со звёзд, с привкусом солянки, воды. А, если потом заползти под простыню, одновременно закрыть глаза, то уж и не уловишь тот момент, когда голова касается подушки. Не пройдёт и секунды, как глубокий сон поглотит тебя всего, до последней клетки, честно отдавшего все силы дню.

Парашютные прыжки – это как разминка для разнообразия, как досадный перерыв в процессе обучения. В день парашютных прыжков полёты отменяются, и весь день курсанты занимаются наземной подготовкой, потому что прыжки выполняются на рассвете и потом весь день свободный. Но не терять же такой ясный, безветренный день. Комполка собрал лётчиков накануне вынужденного перерыва на методическое совещание. После обычного разбора-разноса, удовлетворенный, он уже спокойно объявил:

— Завтра курсанты на прыжках, спланируйте полёты без них. Организуйте так, чтобы по видам ликвидировать перерывы, кому по приборам подходит срок проверок техники пилотирования, все долги по методическим тренировкам, чтобы до конца месяца на это не отвлекаться.

Николаю, кроме контрольного полёта под шторкой достались ещё и два

методических полёта по кругу. Два никому не нужных полёта по семь минут, он и так был «влётан». А может не так уж и никому?

— Силин! Ты после прыжков завтра приходи на стартовую позицию часов в десять. — И, в ответ на его вопросительный взгляд добавил: — Шлемофон и кислородную маску возьми с собой. Полетишь со мной пассажиром.

— Александр Иванович! — Подошёл он потом к руководителю полётов. — Вы помните, как вы меня на методических полётах возили? На первом курсе на «низкополётной»? А я тогда «землю увидел».

— Ну. А почему ты спрашиваешь?

— Да у меня слабак один никак землю «не увидит». Может, я завтра его вот здесь повожу? — Он показал на свои два круга в плановой. — У вас тоже два круга было запланировано «на себя». А мы тогда восемь сделали, и я землю увидел.

— Ты смотри, помнит!

— Может, если бы не те круги, так я и вовсе не вылетел бы «сам».

— Хорошо, только чтобы тихо, без особой огласки, как тогда.

На «низкополётной полосе» круг занимает от силы пять минут, полёт выполняет инструктор, поэтому и высота не шестьсот, а двести метров, и круг в другую сторону – курсант не успеет, не сориентируется, всё очень быстро. Но на посадке всё как обычно. Здесь учить можно только взлёту и посадке. Полоса длинная, инструкторы успевают с одного прохода по четыре, пять касаний показать курсанту. На метр и снижение до посадки, на метр и снова до касания земли. Самое трудное для начинающего – увидеть это движение самолёта с метра и до касания и правильно на него реагировать. Это умение и есть такое вот понятие «видеть землю».

После восьми проходов без обруливания, Коля зарулил на заправочную и вылез из кабины. Промокший от пота комбез прилип к спине. Но вылез он вполне довольный. Кажется, лёд тронулся. Какое-то просветление вроде бы наметилось.

— Ну, чего ты там сидишь? Всё уже, прилетели, можно выходить.

— Я сейчас. — Силин никак не мог открыть замок парашюта.

От недавнего напряжения тряслись руки, по лицу катились градины пота и щекотали шею. Но в душе вихрем нарастала радость. Он ведь садился сам. Он и сам до конца всего ещё не понял, но он же садился сам!

Неужели?.. Да, он садился сам!

Вывозная программа для инструктора скоротечна. Дни, похожие один на другой летят быстро. Совсем недавно эти ребята впервые подошли к самолёту, смешные своей робостью, неуклюжие в кабине, не знающие как подсоединить парашют. Инструктор в кабине мудр, как сова и многословен, как попугай. Он видит все ошибки каждого курсанта, он словно пишет на песке. Написал – волна смыла, написал – смыла, и так, пока не останется глубокий след, под названием «умение летать». Вот тогда и инструктор понимает свой труд.

Силин вылетел самостоятельно далеко не первым в эскадрильи...

...Есть в авиации традиция: перед первым самостоятельным полётом, курсант дарит своему инструктору пачку сигарет с автографом из цифр его индекса. Николай повертел пачку «вылетных» в руках. Как инструктор ни уверен в своём питомце, он всё равно волнуется, выпуская его в первый самостоятельный полёт. Вот, кури и успокаивайся.

Взлетел Силин нормально. Пока он до первого разворота набирал высоту, Коля раскрыл пачку, угостил механиков, взял сигарету, затянулся. Он не курил, но не закашлялся. Закружилась голова, по ногам словно побежали пузырьки, всё стало удивительно спокойно и просто.

Коля сел на деревянную скамейку, сделал ещё затяжку. Он видел, как Силин выполнил четвёртый разворот, как планировал, но всё, казалось, было не здесь, словно он смотрел кино. Умиротворение – вот правильное название того ощущения, охватившего его. Закончен огромный труд.

...Силин взлетел, выполнил разворот, набрал высоту и только тогда смог отвлечься от пилотирования мыслью:

«Я же один, я же сам лечу! — Он повернулся назад, к кабине инструктора, она была пуста. Тогда Силин осторожно покачал крыльями. — Я сам управляю этой могучей машиной!.. Я лечу!..»

Другие рассказы подполковника Равиля ХАДЕЕВА

[«Тридцать девятый»](#); (О катастрофе в учебном полку)

[«Внимание! на посадочном курсе – НЛО!»](#); (Понятно, о чём?)

[«В пятницу, тринадцатого»](#); (О дне тяжёлых полётах в учебном полку)

[«Тяжёлый день»](#); (Рассказ лётчика-испытателя)

[«День рождения»](#); (Рассказ курсанта ХВВАУЛ)

[«Пилотаж»](#); (Бывших лётчиков не бывает)

[«Африка»](#); (Маленькая повесть из жизни наёмника)

